

45y

ПРЕЗИДЕНТ ПЛАНЕТЫ

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-32

Дизайн переплета
Константина Гусарева

ЧБУ.

Ч-32 Президент планеты / ЧБУ. — Москва : Эксмо, 2022. — 576 с.

ISBN 978-5-04-168482-2

2096 год.

После величайшего кризиса мир разделился на две части, где богатые — тхари — наслаждаются благами цивилизации, пользуясь услугами роботов и дронов, а бедняки живут, погрязнув в нищете и преступности.

Но даже те, у кого есть все, хотят получить еще больше: несколько могущественных семей объединяются, чтобы свергнуть Келвинов с позиции властителей мира, захватив их компанию. Для детей Келвинов выход один — бежать.

Им придется спуститься с безоблачных высот в новый грязный мир. Чтобы вернуть свой дом и отомстить за свою семью, им предстоит пройти через ад трущоб, познать голод и страх, боль и унижение. Смогут ли они не потерять себя? И что обретут в поисках дороги домой?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-168482-2

© ЧБУ, текст, 2022
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

СТОЛИЦА. СУМАСШЕДШИЙ СОБЕСЕДНИК

Самый богатый в мире человек ехал по африканской дороге на бронированном лимузине. Спереди и сзади его сопровождали два внедорожника с охраной. Он был не просто богат, он был богаче всех богачей.

К ста четырём годам Эдуард Келвин купил половину мира, его капитал превышал состояние второго по обеспеченности человека более чем в пятьдесят раз. Ему принадлежала вся транспортная система на планете, а также строительные и добывающие компании. Он имел неограниченное влияние на экономическую и политическую сферы любой страны, за что и получил прозвище Президент планеты.

И он был стар. Его портретом можно было пугать детей: седые, почти прозрачные волосы, кожа землистого оттенка, худое, безжизненное лицо. Когда он закрывал глаза, то становился неотличим от мумии. Только спина, всегда прямая, сохраняла вековую нестигаемость. У него был рак половины органов, но Эдуард продолжал жить благодаря миллиардам наноботов, плавающих в его крови и уничтожающих любую заразу.

Эдуард приехал в Абуджу, столицу Нигерии, четыре дня назад. На улицах ночного города было шумно — мужчины и женщины, старики и дети, собаки, пешеходные дроны, автоматические уборщики. На тротуарах было не протолкнуться, и люди выходили на проезжую часть. Практически у всех в руках были биты, молотки, камни или куски железной трубы. Стоило проехать машине премиум-класса, на неё со всех сторон сыпались удары. Здесь, как и во всём мире, ненавидели богачей. Каждый третий потерял работу после величайшего всемирного кризиса в две тысячи восемьдесят девятом году, что повлекло за собой ненависть низшего класса к высшему. К две тысячи девяносто шестому кризис не только не закончился — он набирал обороты, и с каждым годом положение простых людей становилось всё хуже.

Преступность достигла небывалых высот. Чтобы не умереть от голода, людям приходилось грабить и убивать. Никто больше не был в безопасности в таком мире.

На каждом углу стояли продавцы синтетических наркотиков: натуральные были слишком дороги. У каждой стены — проститутки. У каждого перехода — попрошайка. И на фоне всей городской разрухи двигались многочисленные рекламные голограммы, призывающие купить экзоскелет для инвалидов или шампунь от перхоти с генно-модифицированными полезными микроорганизмами.

Эдуард видел всё это из окна и чувствовал лишь глубокую печаль: он помнил те времена, когда люди на улицах спешили на работу, а не были вынуждены зарабатывать прямо на ней.

— Михал, какая у тебя самая большая мечта? — спросил Эдуард у помощника, сидящего напротив.

Тот некоторое время молчал, будто раздумывал, как ответить на такой личный вопрос. Старик никогда не интересовался его жизнью, не спрашивал про семью или здоровье. Его не интересовало ничего, кроме работы. Надо было умереть, чтобы он спросил

о чём-нибудь личном. И это всё равно было бы что-то колкое, наподобие: «Ты что, умер? Если ты умер, ты не сможешь работать в моей компании». Потому что старик мог увольнять работников легче, чем сбивал снег с ботинок.

— Никогда не думал об этом, — ответил Михал и понадеялся, что это последний подобный вопрос. Ничего хорошего такие разговоры не предвещали. — Наверное, это слишком необычно, но я с самого детства мечтаю уметь путешествовать во времени. Знаете, как в комиксах. Это единственное, что я не могу купить: всякие яхты и самолеты мне уже не интересны.

— Опять эти комиксы, — проворчал Эдуард. — Куда ни глянь, комиксы. Я спрашивал о нормальной, человеческой мечте. Есть ли такая вещь, которую ты хотел сделать всю жизнь? Хотел бы пожить год в Тибете? Слетать на Марс? Погрузиться на глубину в подводной лодке? Уехать с бродячим цирком?

— Нет, это точно нет. Сто процентов. Будь я настолько романтичен, сейчас курил бы травку и пел песни под гитару с немытыми сопляками из трущоб.

— Значит, твоя мечта — стать очень богатым? Богаче меня?

В ответ Михал лишь пожал плечами. Да, он действительно хотел стать самым богатым человеком в мире, но у него бы это не получилось. В корпорации «Транстек», которой владел Эдуард, был целый отдел, который давил конкурентов. Демпинговал цены, выкупал поставки, разорял всех, кто захотел влезть в уже занятую сферу. В этом отделе люди, как пауки, сидели перед мониторами и наблюдали, не шелхнётся ли где-нибудь нить. Им было видно всё: кто взял, что взял, куда везёт, почём купил. Если происходил оптовый заказ, неважно где, значит, мелкая компания нащупала выгодную жилу. Отдел бросался на неё и делал так, что компания уходила туда, откуда появилась. В каждой крупной компании теперь был отдел конкуренции.

— Я хочу сделать что-то важное, — произнёс Эдуард.

— В каком смысле? — спросил Михал.

— Всю жизнь я копил деньги, дрался за каждый цент, состояние было моей целью, и я продолжаю зарабатывать. Когда я уйду из этого мира, окажется, что всё моё состояние, мой песчаный замок, который я возводил всю жизнь, мгновенно снесёт приливом.

— Вы, наверное, шутите, — усмехнулся Михал и затем добавил, уже серьёзно: — Шутите, верно?

Михал был молод — ему едва перевалило за сорок, и не хватало минимум пятидесяти лет для того, чтобы понять проблемы старика. Всё, о чём он думал, — это деньги и власть, прямо как Эдуард в молодости. Михал был родом из маленького российского городка Лингуин на границе с Китаем, вырос в бедности, и это оставило на нём свой отпечаток. Теперь его мучало патологическое накопительство. Он был жаден и пытался дотянуться до всего, что оказывалось в его поле зрения. Даже воровал ручки из приёмных различных компаний. Он одевался так, словно все вещи перешли к нему по наследству, ел самую простую пищу, а в свободное время ездил на «Фольксвагене Дейл» две тысячи семьдесят четвёртого года, древней развалюхе, купленной с рук. Из электроники в его автомобиле был лишь транзистор на последнем издыхании, управляющий сигнализацией. А включался он скруткой проводов.

Однажды Эдуард оказался в имени Михала в Германии. Такого бардака он не видел даже на свалке. Михал нёс в дом абсолютно всё, что могло пригодиться и не могло никак. Выглядело это невероятно дико: дом, стоимостью в миллионы долларов, элитный район, дорогая охрана, а внутри целый склад барахла, который не взяли бы и бездомные. Эдуард заставил Михала купить для работы дорогой костюм, чтобы выглядеть представительно, — тот два дня ходил с кислым лицом. Но он был хитёр, этого не отнять, про таких говорили «без мыла влезет».

— Вы самый известный человек в мире, вы достигли вообще всего что можно, — сказал Михал. — Чего вам ещё желать?

— Знаешь, для чего обычные люди копят деньги? — спросил Эдуард, обращаясь будто в пустоту.

— Разумеется, знаю. Мой отец пытался купить дом, но всё проигрывал в карты.

— Они копят, чтобы их потратить, — вот в чём наше отличие. Я же зарабатывал их, чтобы они были.

— Быть самым богатым человеком — здорово, разве нет?

— Было, — ответил Эдуард. — Больше нет. Уже лет двадцать деньги не приносят мне никакого удовлетворения, поэтому я решил их потратить.

— В каком смысле? — Лицо Михала вытянулось. — На что?

— Посмотри в окно. Что ты видишь?

— Бродяг, наркоманов, воров.

— Ты видишь безработных, — поправил Эдуард. — Несколько лет назад мы сделали их такими. Экономика лопнула, и это повлекло за собой смуту. Никто не знает, сколько продлится этот кризис. Я намерен это исправить.

— Скажите, что вы шутите, пожалуйста. Вы ведь не собираетесь покупать еду этим голодранцам?

— Конечно, нет, — ответил Эдуард. — Я не куплю то, что можно проесть или износить, этим пусть занимаются производители кроссовок. Я дам всем работу, построю тысячи заводов по всему миру и создам новую банковскую сеть. Но это ещё не всё: яволю огромные деньги в освоение новых планет. Хочу, чтобы люди жили не только на Луне и Марсе, и тогда меня запомнят не просто как самого богатого человека.

— Вы сегодня ели? — спросил Михал. — У вас нездоровый вид.

— Мне сто четыре! И я ещё никогда не был в столь здоровом уме.

Много лет назад Эдуард принимал участие в финансировании строительства колонии на Марсе, а также в создании жилых и рабочих пространств на Луне. Это не принесло ему финансовых успехов, но он всё равно был доволен проделанной работой. На Марсе сейчас живёт больше пятнадцати тысяч человек, а Луна и вовсе изменила вид — сейчас, если посмотреть на небо, можно увидеть белый диск, крест-накрест пересечённый чёрными линиями человеческих построек.

Больше часа они ехали молча. Радио не играло, а телохранитель Хи на переднем сиденье, отделённый от них перегородкой, вообще никогда не разговаривал. Изредка в борт прилетал камень, брошенный из толпы, или были слышны ругательства в их адрес. Транспортom управлял автопилот, он мягко вёз их в центр города, где за бетонным забором находился район элитных особняков.

Эдуарда не покидало чувство тревоги, но не из-за разгневанной толпы на улице, а по другой причине. Он всегда прислушивался к своей интуиции, и если другие люди видели в ней что-то сверхъестественное, то он объяснял её гораздо проще: глаза заметили то, что сознание видеть не хочет.

Некоторое время он ёрзал на месте, пытался понять, откуда исходят тревожащие мысли. Наконец он нашёл то, что так его насторожило.

— Почему горит эта лампочка? — спросил он сухим, как у вороны, голосом.

— Какая? — спросил Михал.

— Вот эта.

Эдуард указал на красную точку в углу монитора, встроенного в водительское сиденье. Он знал, что она обозначает, но хотел убедиться в этом.

— Включённый микрофон, очевидно. Сейчас все микрофоны имеют индикатор, чтобы знать, когда можно говорить, а когда нет, чтобы не попасть в неловкую ситуацию.

— Так почему эта лампочка горит?

— Думаете, нас прослушивают? — спросил Михал. — Это маловероятно: чтобы взломать шифрование, уйдут десятки лет.

— Но она всё-таки горит, — заметил Эдуард. — Значит, микрофон включён, и где-то какое-то ухо внимает нашим словам.

— Не думайте об этом, скорее всего, это ошибка. Нас не могут подслушать.

— Ты шутишь? Звони диспетчеру и узнавай, почему горит эта лампочка. И если нас прослушивают, выясни, кто это сделал.

Иногда неглупые люди проявляли немислимую глупость. Эдуард не считал себя современным человеком. Он всегда с подозрением относился к новым технологиям, тогда как остальные доверяли им свои жизни. Когда в машины поголовно ставили автопилоты, Эдуард сопротивлялся сколько мог. Он предпочитал человека за рулём, а не компьютер. Когда с заводов увольняли людей, заменяя их роботизированными руками, он мог лишь грустить. А когда армия США решила обзавестись военными роботами, он восстал. Сказал, что профинансирует все остальные армии мира, если Штаты закупят роботов. Безопасность людей должна находиться в их руках, а не умной техники. Казалось, он единственный, кто это понимал.

Из нагрудного кармана Михал достал новенький корпоративный смартфон — «Сони Стар четыре» — и позвонил в местную службу проката, являющуюся дочерней компанией их корпорации «Транстек». Эдуард тем временем обратился к голосовому ассистенту автомобиля:

— Зена, ответь на вопрос.

— Слушаю вас, Эдуард, — ответил мелодичный женский голос с нотками жизнерадостности. Следом раздался сигнал, означающий, что помощник слушает команду: «Дилинь».

— Почему горит красная лампочка в углу экрана?

— Горит индикатор работающего микрофона, он означает, что в данный момент одно из установленных приложений записывает звук с целью получения голосовых команд.

«Дилинь».

— Индикатор горел минуту назад, когда мы с тобой ещё не разговаривали. Отследил, кто его использовал.

На экране появилась круговая стрелка загрузки, и через минуту Зена ответила, как всегда, оптимистично:

— Ни одно приложение не использовало микрофон минуту назад.

«Дилинь».

— Тогда кто его использовал?

На этот раз стрелка загрузки на экране провисела чуть дольше. Михал всё ещё говорил по телефону с администратором, пытаясь убедить того разбудить команду разработчиков программного обеспечения.

— Микрофоном воспользовалась программа «Плутто», источник неизвестен, — ответила Зена, и Эдуарду показалось, что из её голоса пропала жизнерадостность.

«Дилинь».

«Плутто?!» — удивился Эдуард. Этот компьютерный вирус создала хакерская группировка, и, по слухам, он мог взломать защиту любого компьютера. Для Эдуарда это всегда звучало как шутка, ведь название вируса совпадало с именем мультяшной собаки.

— Что это за программа? — спросил он. — Как она смогла обойти шифрование?

Вопрос остался без ответа, лишь бесконечная загрузка напоминала о присутствии голосового помощника.

— Всё верно, нас прослушивают, а это, как вы понимаете, совершенно неприемлемо в машине премиум-класса, — говорил в телефон Михал, поправляя съехавший набок галстук. В машине стало жарко.

— Смени код шифрования, — приказал Эдуард.

— «Плуту» — это мой хозяин, — ответила Зена, проигнорировав последнее предложение.

«Дилинь».

— Что значит «твой хозяин»? Это я твой хозяин. Я взял машину в аренду, значит, ты должна слушать меня.

Кондиционеры всё больше раскаляли воздух. Михал, поглощённый телефонным разговором, автоматически снял пиджак и положил на сиденье рядом с собой. Эдуард попытался открыть окно, но кнопка стеклоподъёмника не сработала.

— Хи, выключи кондиционер и открой окна, — сказал Эдуард в перегородку, ведущую к водителескому сиденью.

— Не получается, — после паузы ответил телохранитель. — Окнами управляет борткомпьютер.

— Вы мой клиент, — ответила Зена. — А «Плуту» — мой хозяин. Только он может приказывать мне.

«Дилинь».

— Разорви все соединения и смени код шифрования, — приказал Эдуард, не ожидая реакции, но она ответила:

— Слушаюсь. Код шифрования успешно изменён.

«Дилинь».

Значок работающего микрофона погас лишь на секунду, а затем загорелся вновь. Автомобиль начал разгоняться, на переднем сиденье послышалось шуршание — Хи попытался отобрать руль у автопилота.

— Индикатор ещё горит, — заметил Эдуард. — Почему?

— Потому что ваш компьютер взломан, — ответил мужской голос.

От удивления и Михал, и Эдуард дёрнулись в стороны. Они не ожидали услышать рядом с собой кого-то постороннего. На экране водительского сиденья появился взлохмаченный человек, будто несколько месяцев не прикасавшийся к расчёске. Его длинные светлые волосы свисали до самых плеч,

а неухоженная борода спуталась. Под бледно-голубыми глазами виднелись синяки от бессонных ночей. Парню перед ними было около тридцати, но выглядел он намного старше Эдуарда.

— Знаете, кто я? — спросила голова.

Все знали этого человека — самого известного в мире киберпреступника. Он возглавлял хакерскую группировку «Гелеарте», и каждую неделю его небритое лицо появлялось в выпусках новостей в связи со взломом очередной базы данных. На его совести было множество человеческих жизней: хакер пускал сверхскоростные поезда под откос, сбивал электронику самолётов, перехватывал управление автомобилей и отключал холодильники, где хранятся дорогие медицинские препараты. Судя по всему, он поставил себе цель уничтожить как можно больше людей. Не существовало в мире более ненавистного террориста. Его желали поймать спецслужбы каждой страны, за информацию о нём предлагались огромные деньги, но тем не менее найти его не удавалось. Он был одним из немногих людей, которым был запрещён въезд на Марс. В колонию на соседней планете принимали всех, кто желал участвовать в освоении новых территорий. Любой преступник мог попросить убежища, и ему предоставили бы бесплатный билет на межпланетный перелёт в обмен на пожизненную работу в марсианской корпорации: строительство домов, прокладка дорог и обслуживание многочисленных приборов.

Но не Клаусу Беккеру — этого человека ненавидели все.

— Клаус Беккер, — ответил Михал. В его голосе появились панические нотки. Связь с этим человеком не могла означать ничего хорошего.

— Никогда не любил это имя, — ответил человек в мониторе. — Но вы правы, это я. Знаете, почему я здесь?

— Избавь нас от своего присутствия, — ответил Эдуард. Он был слишком стар, чтобы бояться пусть и

самого опасного преступника. — У нас есть дела поважнее, чем разговаривать с такими, как ты.

— Я здесь для того, чтобы ускорить человеческий прогресс.

— Михал, отключи его, — приказал Эдуард. — Не хочу слушать очередной пропагандистский бред всяких фанатиков.

Повинуясь команде, Михал отключил экран, но тот загорелся вновь. Машина тем временем неслась на огромной скорости. Эдуард никогда не пристёгивался, когда ездил в машине: автопилоты никогда не попадали в аварии. Однако в этот раз он всё же пристегнул пятиточечный ремень.

Словно в ответ на это, машина ударилась в ограждение и чудом не улетела в кювет, что было бы гарантированной смертью для всех трёх пассажиров: по ту сторону ограждения находился обрыв высотой в сорок пять метров. От удара Михал залетал по салону, как пластиковый мячик в игровом автомате.

Обе машины сопровождения остались далеко позади. Эдуард видел, как те резко затормозили.

— Хи, что там происходит? — закричал Михал, упираясь руками в потолок, а ногами в пол.

— Машина хочет нас убить, — слышался приглушённый из-за перегородки ответ. Хи на водительском сиденье давил на тормоз и крутил руль, сражаясь со взбесившимся автопилотом.

— Чего тебе надо? — спросил Эдуард, когда они выехали на ровную дорогу. — Исчезни!

Движение стало плавным: машина больше не пыталась перевернуться. Она приближалась к блокпосту, отделяющему город Абуджа от района элитных особняков. Такие территории, обнесённые забором, есть в каждом городе. Их построили после голодных бунтов, когда богатых людей вытаскивали из домов, номеров отелей, избивали и привязывали голыми к фонарным столбам.

Периметр охраняли дроны-разведчики и автоматические турели. Любой, кто пожелал бы перелезть